

15.120K

А. Коздрин

**СТАРЫЙ
ПАРУС**

~~A~~
~~2728~~

1962

LEWIS & CLARK

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

35 27чг
5048

Сборник к изданию подготовил

М. А. Жохов

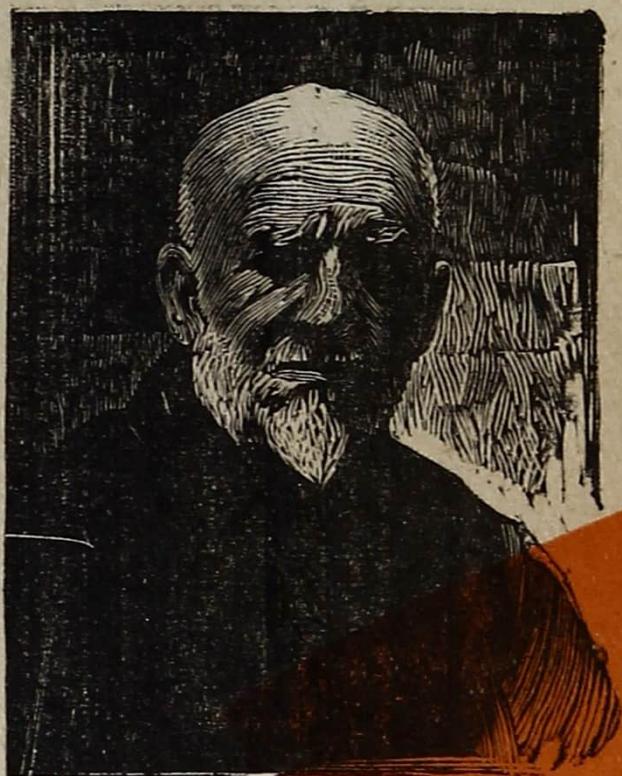
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

~~A~~
~~2728~~

а должна быть
дена не позже
го здесь срока

2

1962

Алооздринъ

ИВАНОВСКОЕ

А. Ноздрин

P2

Н. 782

СТАРЫЙ ПАРУС

стихи

15.1204

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1962

54

-- 2010

СТАРЫЙ ПАРУС

Мои года, твои лета —
Несоответствие большое:
Ты светл, как юности мечта,
А я... а я — совсем другое!

Но красоты в борьбе, в огне
Я не бегу и не чурюсь;
Попутный ветер будет мне —
Я разверну свой старый парус...

Я не стыжусь его заплат:
Его заплаты — испытанья...
Они, мой славный, юный брат,
Моих седин завоеванья.

1912

ПОЭТ ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ

Выпуск этой поэтической книжки приурочен к 100-летию со дня рождения ее автора — Авенира Евстигнеевича Ноздрина. Каждому, кто хоть немного знает прошлое нашего города, это имя должно быть знакомо: оно занимает достойное место как в истории революционной борьбы ивановских ткачей, так и в литературе текстильного края.

А. Е. Ноздрин родился 10 ноября 1862 года в Иванове, которое тогда считалось селом и только-только освободилось из-под рабской зависимости от «сиятельного» крепостника графа Шереметева, но уже развивалось в один из центров хлопчатобумажного производства. Детство прошло как во многих простых семьях. Отец, ярмарочный приказчик у мелких фабрикантов, оставил Авенира сиротой в четырехлетнем возрасте. На попечении матери оказалось шестеро детей. Младшего Авенира, когда

подошел срок, определили к дьячку — он обучал славянскому языку и чистописанию и заставлял пасти корову. Потом Ноздрин поступил в земское училище, которое давало минимум общеобразовательных знаний, но не подготавливало своих воспитанников к жестокой жизни. «Жизнь нас после школы принимала не по-книжному, по головке не гладила, — вспоминал Авенир Евстигнеевич, — вместо пушкинских стихов, ставших школьной песенкой:

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,

заставляла нас петь иные песни — песни непосильного ярма, невероятно длинного рабочего дня».

А. Ноздрин поступил на фабрику, обучился граверному делу. Это ремесло ему, не умевшему рисовать, давалось с трудом; вышел из него, как он сам говорил, «мастер среднего калибра», но профессия все-таки кормила его на протяжении тридцати лет.

Непосильное ярмо тяготило. Хотелось вырваться на простор. Куда угодно, хоть с трупной бродячих артистов. Готовясь к роли ярмарочного раешника, юный Ноздрин начал даже сочинять прибауточный текст. (Позднее

он назвал это «первым толчком» к литературной деятельности.) Актером он не стал, а скитальческой жизнью соблазнился и летом 1885 года с двумя товарищами под видом странников-богомольцев отправился в путешествие. «Втроем, с котомками за плечами и с посохами в руках, — читаем в его воспоминаниях, — очутились на извилистых проселках деревень и на прямых, как стрела, аракчеевских саженых дорогах, соединяющих города и села тогда еще богомольной, но уже идущей к новой жизни России». Больше двух тысяч верст прошагал 23-летний Авенир Ноздрин и своими глазами увидел, что не сладко и деревне, казавшейся ему прежде тихим пристанищем, что рабочий и крестьянин «горечь жизни пьют из одного ковша».

Из поучительного этого странствования молодой Ноздрин вернулся полный желания бороться за лучшую долю народную. Как бороться, где приложить силы? Чтобы правильно понять это, потребовалось немалое время.

Под влиянием местных интеллигентов Ноздрин вступил в их нелегальный кружок народнического толка, увлекся было земледельческой колонией, образованной близ Кинешмы. Вместе с группой молодежи выпускал рукописный журнал «Первые проблески».

Настоящей идейной закалки это, понятно, не дало и дать не могло, но заставило зорче приглядываться к действительности и... столкнуло с жандармерией. При первом обыске рывшийся в бумагах Ноздрина жандарм увидел стихи, начинавшиеся так:

Упал вот и ты под грозой,
Не выдержал бури, мой дуб...

Это был всего лишь стихотворный пейзаж, однако слова «гроза» и «буря» показались царскому слуге ужасной крамолой.

«Оттого, что в простом изложении человеческой мысли ищут опасных слов, — вспоминал А. Е. Ноздрин, — я почувствовал только сладость запретного плода, гордость от сознания, что я мыслю, и в этом я видел первое свое приобщение к делу своих учителей — близких мне писателей».

Отбыв гласный надзор полиции, Авенир Евстигнеевич поехал в Петербург. Работая там гравером на ситцепечатной фабрике, он продолжал и литературные занятия. К этому периоду относится его знакомство с известным русским поэтом В. Я. Брюсовым. Творчество ивановца заинтересовало Валерия Яковлевича. «Очень оригинальная поэзия», — отзывался он

о стихах Ноздрина в 1896 году и считал, что их пора печатать. Брюсов сперва намеревался включить стихи Ноздрина в поэтический сборник, затем думал выпустить самостоятельную его книжку из 32 стихотворений. Ни то, ни другое издания не состоялись. Сам Авенир Евстигнеевич об этом не жалел. В задуманную книжку предполагалось дать стихи, навеянные Финским заливом, его пристанями и судами, а они не совсем отвечали обычным настроениям автора и были далеки от излюбленной им тематики родного рабочего города. Полного текста этих «петербургских» стихов, к сожалению, не сохранилось, лишь отдельные строфы Ноздрин приводил в своих воспоминаниях:

Мы волны считали: седьмая, восьмая;
И вот роковая нашла...
И вздрогнула наша семья небольшая,
Когда нас она обняла.

В печати первое стихотворение нашего поэта появилось в конце 90-х годов. Это было «Ночью», опубликованное ярославской газетой «Северный край».

Возвратившись в родной город, А. Е. Ноздрин принял близкое участие в рабочих организациях — легальном «Обществе взаимопомо-

щи фабричных граверов», в местном обществе потребителей. Он становился все более популярной фигурой среди ивановских рабочих, и это сыграло свою роль в 1905 году, выдвинувшем его на гребень борьбы.

В тот революционный год — с 12 мая по август — проходила всеобщая забастовка, охватившая весь Ивановский промышленный район. В ходе ее возник зародыш пролетарской власти — самый первый в истории Совет рабочих депутатов. Стачку готовила и руководила ею большевистская организация во главе с такими видными революционерами, как Ф. А. Афанасьев, М. В. Фрунзе, С. И. Балашов, Е. А. Дунаев. Партийный комитет, однако, считал более целесообразным в тех условиях, чтобы председателем Совета был беспартийный рабочий. И с одобрения большевиков на этот высокий пост избрали Авецира Евстигнеевича Ноздрина.

События 1905 года, массовые собрания текстильщиков на берегах Талки, вполне естественно, занимают особое место в литературном творчестве Ноздрина. Очевидец и активный участник бурных событий запечатлел их ярким поэтическим словом. Он писал о Талке и под свежим впечатлением, и много лет спустя.

Во время черносотенных погромов Ноздрин был вынужден покинуть Иваново. «Черной бандой я был приговорен к смерти, — рассказывал Авенир Евстигнеевич, — от возможного самосуда ушел за несколько минут, и вместо головы черносотенцы отыгрались только издевательствами над женой, над детьми, над моим имуществом, квартирой. Сам же я уехал в Москву. А мое достояние — книги, накопленные за 20 лет рукописи, письма, дневники, — все разом превратилось в добычу самых разнузданных, безотчетных страстей, на что, как мне передавали после, смотреть было страшней, чем на пожар».

Каким-то чудом у Ноздрина уцелела рукопись поэмы «Ткачи». В Москве он встречался с литературными критиками В. М. Шулятиковым и Н. А. Рожковым, членами литературно-лекторской группы при МК РСДРП (большевиков), передал им корреспонденцию об ивановском погроме. Поэму «Ткачи» они одобрили, но опубликовать не смогли.

Рукопись эту тоже постигла тяжелая участь. Когда позднее Ноздрин жил в Рыбинске, знакомый студент, читавший поэму в интимных кружках, захотел прочесть ее и на маевке. Спасаясь от казацкой расправы, студент пробирался по кустам, и рукопись выпала

у него из кармана. Оставшиеся в памяти автора куски поэмы «Ткачи» приняли потом форму самостоятельных стихотворений и вошли в цикл «Пятый год».

В Рыбинске А. Е. Ноздрин пробовал вплотную заняться литературной деятельностью. Он принял участие в издании газеты «Рыбинский листок» и журнала «Дубинушка», сотрудничал в ярославском журнале «Колотушка». Под различными псевдонимами там публиковались его стихи (1906 год). Это приносило моральное удовлетворение, а заработка не давало почти никакого. Пришлось наняться продавцом к газетному торговцу, поехать для этого дела в Ярославль, но удачи и тут не получилось.

Ноздрин потянуло домой, к семье. Думал: за полтора года власти забыли о нем. Но стоило ему появиться в Иваново, как он был схвачен полицией и по этапу отправлен в ссылку, продолжавшуюся с лета 1907 по осень 1909 года. Поэтические раздумья в Олонецкой глуши, мечты о свободе и борьбе составили значительный по числу стихов цикл «Звон кандалный».

Затем последовал сравнительно тихий период жизни в Иваново-Вознесенске. Постоянную работу на фабрике найти было трудно,

Ноздрин устроился в частной технической конторе. И за перо он брался редко.

Но вот наступил 1917 год: свергнуто самодержавие, совершился великий Октябрь. Сразу преобразившие Россию события вызвали бурный отклик у поэта-рабочего. Почитайте его стихи революционных лет — сколько в них радости, душевного подъема! И все последующие годы он продолжал творить вдохновенно, воспевая красную весну, борьбу народа, новое отношение людей к труду.

Гражданская лирика А. Е. Ноздрина достаточно полно представлена в настоящем сборнике. Читатель имеет возможность судить о ней. Но наш поэт владел и сатирическим пером, а эта сторона его творчества мало известна.

Получив после Октября широкую трибуну — массовые газеты, А. Е. Ноздрин стал почти ежедневно разговаривать с народом. И наряду с лирическим словом часто звучал его гнев, направленный против капитализма. Свои политические фельетоны поэт публиковал в «Рабочем крае», в красноармейском «Набате» под псевдонимом Андрей Левый. Создавались они на злободневных фактах.

До сих пор не утратили тревожного звучания строки, опубликованные в «Набате» 31

мая 1919 года. Андрей Левый комментировал тогда сообщение печати: в Константинополе американский посол Моргентау заявил, что Америка через 15 лет снова будет участвовать в войне.

Еще одно пророчество:
Через пятнадцать лет
Не новой жизни творчество
Восславит бард, поэт,
А скорбными проклятьями
Он разразится вновь,
Увидя, что меж братьями
Вражда, а не любовь...
И неужель виновники
Теперешней резни,
Как лютые разбойники,
Вернут позора дни?
У нас есть дети малые,
Как нам на них смотреть,
Когда их небывалые
Ждут ужасы и смерть.

Политическим бойцом выступал А. Е. Ноздрин на страницах газет. Таким он был и в своей общественной деятельности. Долгие годы Авенир Евстигнеевич являлся членом Центрального комитета Международной организа-

ции помощи борцам революции (МОПР), приложил немало усилий при строительстве в Иванове Интернационального детского дома. В 20-х годах областные организации присвоили ему почетное звание Героя Труда.

Поэтическое творчество А. Е. Ноздрина получило достойное признание. После выхода в Москве сборника «Старый парус» (1927) наш земляк литератор Н. Колоколов писал: «...перед нами **даровитейший** из рабочих поэтов первого призыва и **первый** среди них по мастерской ковке стиха. Такие стихотворения, как «В крылатке», «Летом», «В улице», «Знамя», выполнены настолько хорошо и законченно, что кажется невозможным заменить в них хотя бы одно слово. Там же, где форма несовершенна, поэта выручает острота мысли и цепкая наблюдательность» («Рабочий край» за 8 декабря 1927 г.). Еще больше почитателей приобрел поэт с выпуском в 1935 году его «Избранных стихотворений».

А. Е. Ноздрин умер 23 сентября 1938 года, пав жертвой необоснованных обвинений. Ныне чистое имя поэта-революционера восстановлено, и добрая память о нем сохраняется незапятнанной.

Ветеран пролетарской поэзии до глубокой старости был активистом ивановской органи-

зации Союза советских писателей. Оглянешься памятью лет на тридцать назад — и встает перед глазами скромный человек с редкими седыми волосами, с седою же бородкой. На писательские собрания, обычно живые, бурные, где равное слово имели и пожилые и юные, Авенир Евстигнеевич приходил чуть ли не раньше всех. Только сядет на стул, а кто-нибудь из начинающих — рядом, протягивает ему рукопись. Из вместительного кармана черной сатиновой блузы, — иной одежды он, кажется, и не признавал, — доставал поэт огромную лупу и водил ею над страницей. Глаза, за семь десятков перевидевшие всего вдоволь, не могли обойтись без толстого увеличительного стекла. Но сердце его было молодым. Чутко улавливало оно порыв другой души. И всегда внимательно, всегда заинтересованно разговаривал старый с молодым поэтом. Приободрит, посоветует, а если и покрипикует, то опять-таки без высокомерия, а попросту, по-работному.

В жарких дискуссиях горячо участвовали и признанные уже всероссийски Дмитрий Николаевич Семеновский, Александр Николаевич Благов и только вышедшие на поэтическую стезю чернокудрый Саша Киселев, застенчивый Коля Часов. Внутренне сражаясь со своей

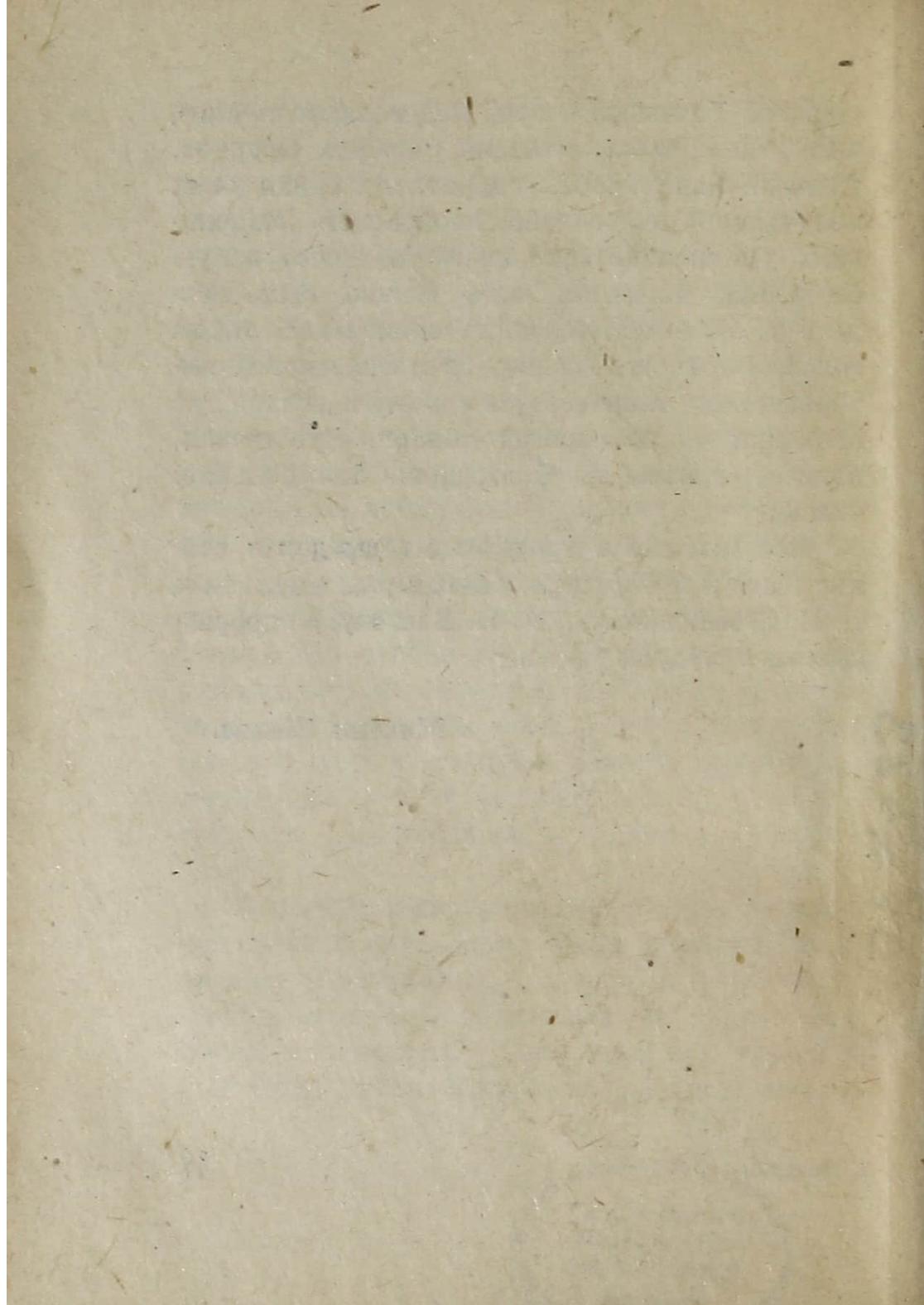
ужасной болезнью, порой недоговаривая слов, высказывал светлые мысли Серафим Огурцов. Каждый был по-своему даровит, и стихи у них получались позвончей, пообразней ноздринских. Но сколько искреннего уважения, какую сердечную внимательность можно было увидеть у этих поэтов, когда спокойным, тихим голосом говорил Авенир Евстигнеевич. К литературному творчеству и своему и товарищей подходил он со строгой меркой. Чувствовал, понимал поэзию А. Е. Ноздрин как большой знаток.

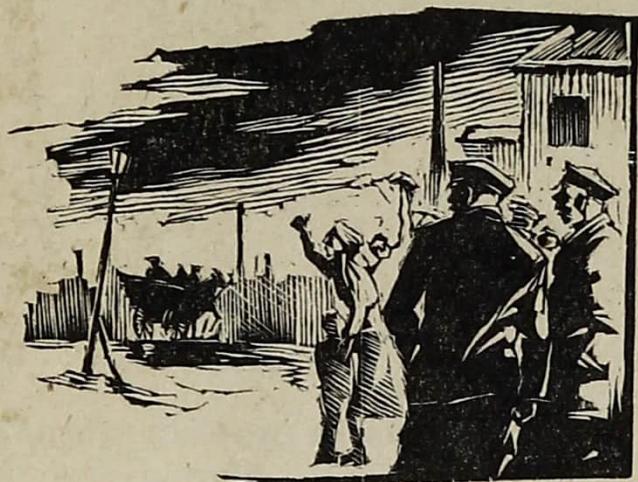
Все мы, кто в тридцатые годы делал робкие шаги к литературе, благодарны ему, как и Д. Н. Семеновскому, А. Н. Благову, за добрые советы и мудрые уроки.

Михаил Жохов.

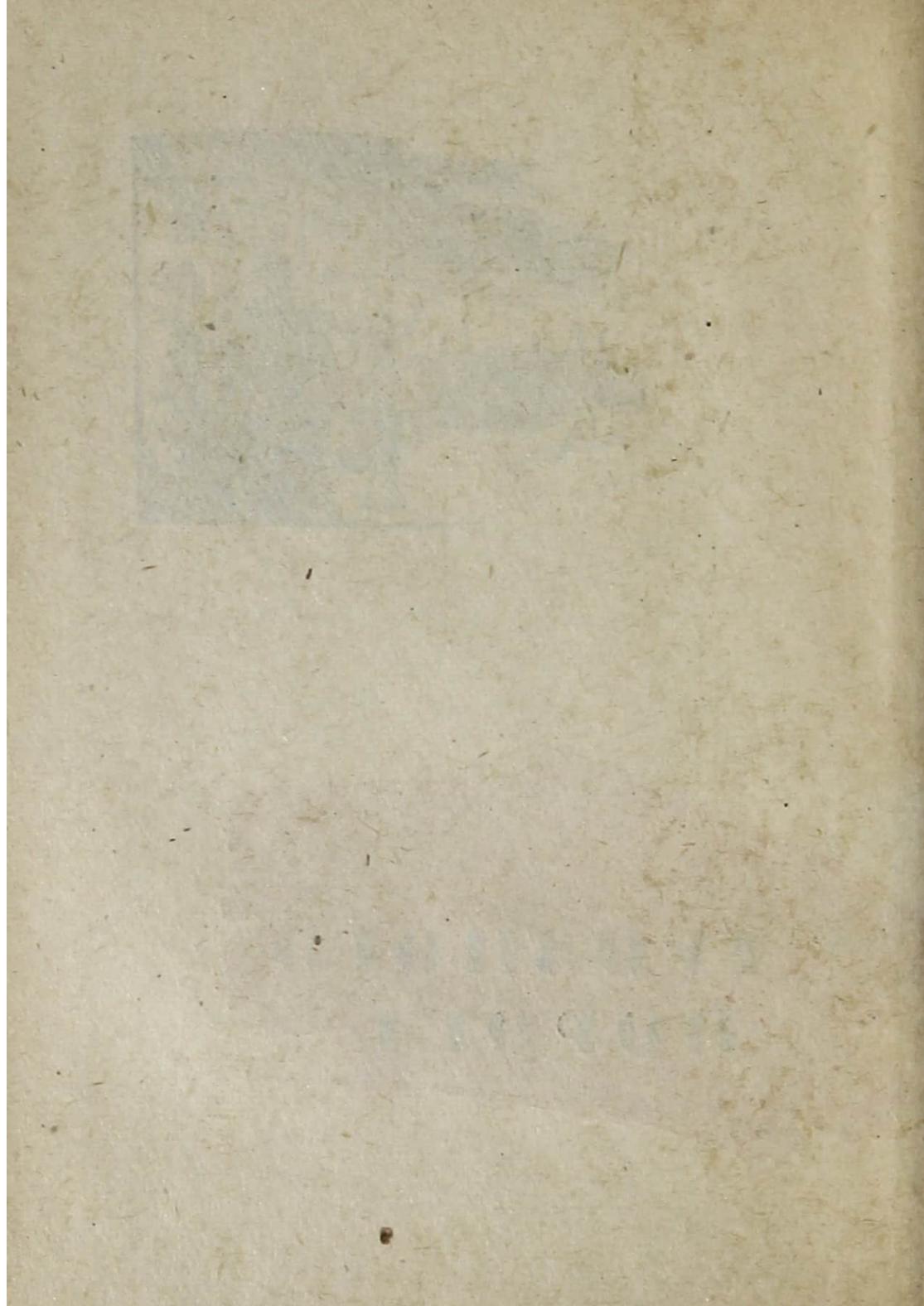
15.120

**У ГРОЗНОГО
Порога**

НОЧЬЮ

Кашлем, плачем, стоном, —
Кто во что горазд, —
Будят мать в постели
В неурочный час.
Грудь нужна ребенку,
А другому пить,
Просит батька хворый
Трубку раскурить.
Всем и всё достала.
Мученица-мать,
И малютку в люльке
Начала качать.
Застучали в двери.
Проклятáя ночь!
Из пивных, кофеен
Воротилась дочь.
Будут разговоры:
Дочка под хмельком...

Дочка не уступит
Матери ни в чём,
Выскажет угрозы,
Что совсем уйдет,
И у ног родимой
Вся в слезах уснет.

У ГРОЗНОГО ПОРОГА

Не нагладишься на луга,
Не налюбуеться полями...
Они, поёмы-берега,
У Волги стелются коврами.

Но эта Волги красота
Стоит у грозного порога:
Иные тянутся места,
И взор гнетёт печаль-дорога.

То за работою пришли,
То просит хлеба рать бездомных.
Они в деревне не нашли
Приюта для людей голодных.

Теперь, бросая якоря,
Они хотят здесь задержаться...

В немолчном гнѣве волгара
Порывам злобы не уняться.

Рѣв полных скорби голосов
Не может чутких не печалить,
И стон от волжских берегов
Уже не думает отчалить.

Ждать надо паводка, волны,
Грозы народного подъема:
Уж очень тяжек стон страны,
И слишком всех гнетѣт истома!

1898

У ФАБРИЧНЫХ ЗАСТЕНКОВ

Здесь казенных нет работ,
Ткут миткаль из пряжи.
А взгляните: у ворот
Сколько всякой стражи!

Словно здесь «рабочий дом»,
Где за ткацкой парой
Честный труд не стал трудом,
А какой-то карой.

1906

СТАРЫЙ ГОРОД

Город хилых, жалких хаток,
Город каменных палат,
Крепко запертых палаток
И церковных анфилад.

Твой хозяин сыт, доволен.
Ткач быть сытым погодит;
То, что он совсем бескровен,
Для хозяина не стыд.

Он, владыка, рад притоку
Деревенских беглецов,
Рад их поту, крови-соку,
Рад он видеть в них рабов.

На «своих» он зубы точит:
Горожанин дерзок стал,
Разбирается рабочий
В том, чем дышит капитал.

Нестройна жизнь городская,
Страшен города уклад:
Где закваской — кровь людская,
Там брожение мысли — яд.

1907

РОМАН

Через стену от меня
Мастерская молодежи, —
Через стену слышу я
Запах дёгтя, запах кожи.

Целый день колотят там
По гвоздям и по колодке,
Починяют старикам
И обновы шьют молодке.

И под этот стук, порой
Утомительно-тяжелый,
Стал я слышать в мастерской
Смех заказчицы веселой.

Я прислушался к нему, —
Чье-то сердце там в ударе.
Я решил: у нас в дому
Есть роман, и он в разгаре.

Чу! Опять там слышен крик —
Девка смехом разразилась.
Ну, и кто же там шутник?
И в кого она влюбилась?

1908

СМЕННЫЕ

Бьет десять... Лязг ремней умолк.
Умолк и визг меж шестернями,
И не снует в станке челнок,
И нет ткача между станками.

Спешит домой он в этот час,
В пути его раздумья горьки:
Ткача ждет ужин — кислый квас
И сухари из хлебной корки.

Шум-гам машинный сменит он
Расчетом-выкладкой о хлебе...
И будет тяжек ночи сон
На рваном, стареньком отрепье.

А завтра, к часу дня, ему
Придется вновь вернуться к шуму.
Он сменит брата по ярму,
Но о нужде не сменит думу.

1911

СМЕРТЬ ТКАЧА

Всю жизнь он ткал, сдавал митраль,
Его обмеривали в «штуке»...

В его лице жила печаль
Большой, невысказанной муки...

Ткач умер. Сменщик загрустил,
Учел свою большую силу
И с плачем смену пропустил —
Отнес товарища в могилу.

Ткача несли на миткале.
В гробу лежал он бледный, тощий.
И на пути к сырой земле
Не тяготились смертной ношей.

Но и на этот раз миткаль
Он растянул, «пример» дал «штучке»...
А взял с собою он печаль
Большой, невысказанной муки.

1911

ЭТАПЫ ГОРОДА

Впотьмах порабощения,
В тисках былых неволь,
Мы ткали за лучиною
Тая на сердце боль.

Лучину свечи сальные
Сменили, но тягло

Хозяйской подъяремщины
Нас пуще пригнело.

И свет свечей, подсвечники
Сменяет капитал;
Мы осветились л а м п а м и,
Но труд не легче стал.

За светом керосиновым
Идет победный г а з.
А труд при свете газовом
Еще стал злей для нас.

Казалось, э л е к т р и ч е с т в о
Спасет нас: тьма, прощай!
А жить так стало маятно,
Хоть всё вокруг зажигаЙ!
1911

СТАРАЯ ТКАЧИХА

У ворот фабричных
Старая Петровна...
На словах обиды,
Горяча, задорна.

Говорит товаркам:
«Эх, мы, бабы-бабы,

Как мы все забиты,
Голодны и слабы!

Лет, поди, уж сорок
Мучаюсь я в ткацкой.
Я глуха: у нас ведь
В корпусах шум адский.

И суха, как щепка,
Есть на то причины...
Из меня бы надо
Нащепать лучины.

И лучиной этой
Подпалить жизнь злую:
Надо выжечь тягу,
Маяту людскую!»

Жестко и костляво
Слово речи ярой,
Как костлявы руки
У ткачихи старой.

Кашель душит бабу.
Тяжки её муки,
У ткачихи старой
Опустились руки.

Но на смену старой
Поднялась другая.
Зашептали: «Настя!
Девка-то какая!»

Видели у девки
Гордую повадку.
Настя еще хлеще
Режет правду-матку.

В Насте, как в Петровне,
Бабья доля взвыла,
И она Петровну
Этим подбодрила.

1911

ШПИКИ И ПРЕСНЯКИ

(1897 год)

Тридцать лет с пятком назад
Мы бунтили, бастовали.
«Ну, ткачи опять шумят...»
Обыватели ворчали.

В штаб губернский войсковой
Шли за войском телеграммы.

Ткач наш, на ухо тугой,
Ждал того, что скажут Ямы.

А у Ям давным-давно
Ох, как злоба накипела!
Ямы знали лишь одно:
Что ткачи взялись за дело.

Бабы месят пресняки,
Угодить мужьям охота,
Что по делу мужики
Вышли с фабрик за ворота.

Бабы шепчутся с утра:
«Мы и сами побушаем,
Мужикам и нам пора
Поцарапаться с буржуем».

На Всесвятской в мезонине
Из эсдеков штаб-стачком;
Начадили, как в овине,
Шумно, спелись все во всём.

Всё учтёно: штраф, обмеры,
Непригодность, брак основ,
Мастера и инженеры,
Сам Витов и Дербенев...

Шнырят тут и там шпионы,
Те, что тешили властей,
Что с.-д. искоренёны,
Нет крамолы среди ткачей.

А она из ссылок, тюрем
Как сумела убежать?
По купцам, по самодурам
Начинает бить опять.

Рвёт и мечет Тимофеев,
Ополчился на своих:
Тонет он среди трофеев —
Прокламаций боевых.

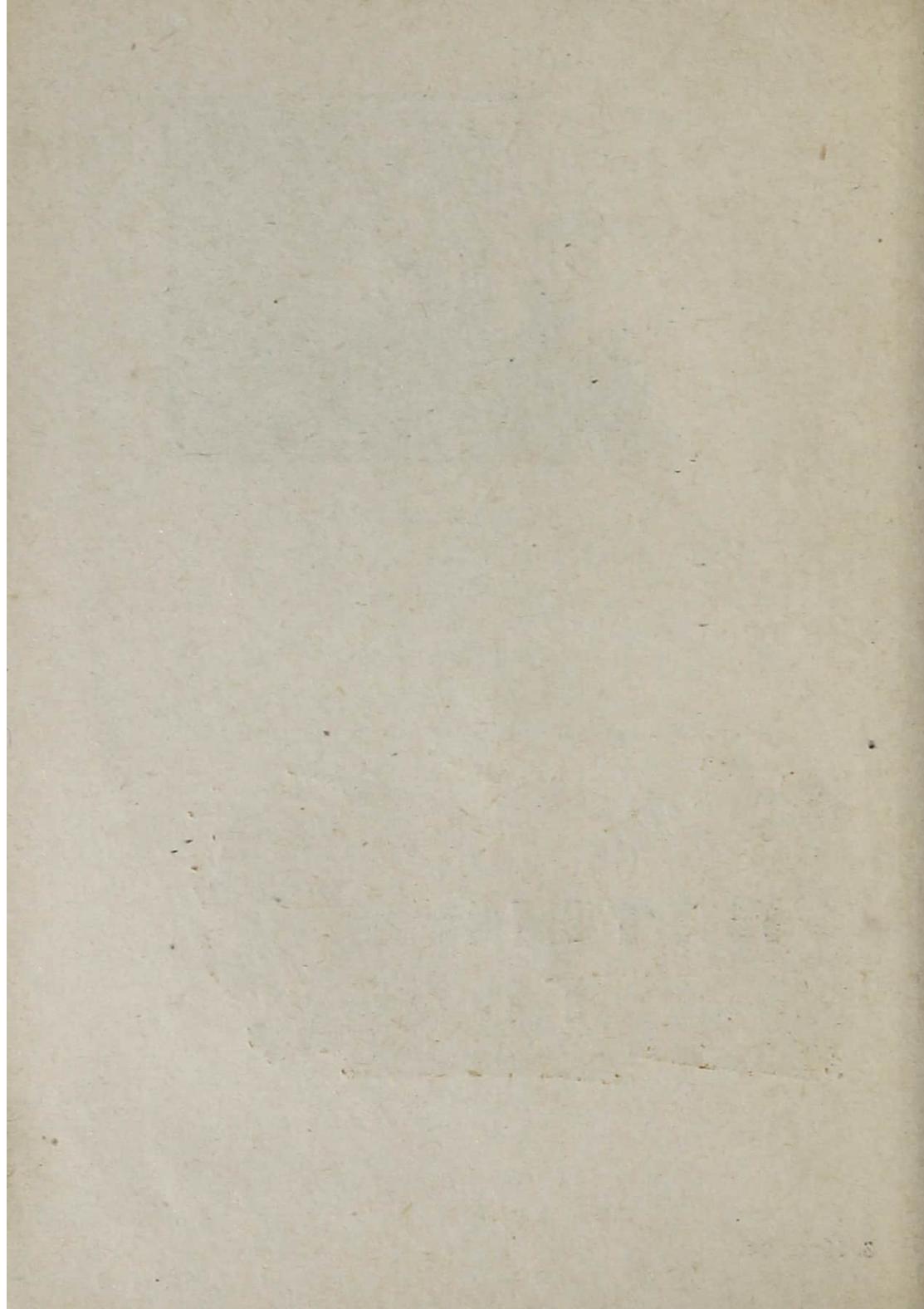
И в борьбе с крамольным духом
С толку сбилися шпики...
А ямским борцам, стряпухам,
Удались пресняки!

1932

**ПЯТЫЙ
ГОД**

3. Ноздри

НАКАНУНЕ МАЯ

Шумом, гамом, писком
Вопит ярь лесная,
Всё кричит о близком
Наступленьи мая.

Ждут май обновлённым,
Бурным, светозарным,
А не обыдённым,
Скучно календарным.

Забурлило снова
Царство стачек, ситца!
К стачке всё готово,
Стачка массе снится,

Что хлестнёт по сытым
По властям, буржуям
И по их наймитам,
Сыска подлым шкурам.

Те, кого в бараний
Рог буржуй сгибает,
Знают всё заране,
Что их ожидает.

Власть пошлёт депеши,
Власть нажмёт педали:
«Шлите конных, пеших
Войск. Ткачи восстали».

На восставших звери
Бросят свои крепи,
У ткачей потерей
Могут быть лишь цепи.

И на грёз загады —
Овладеть всем миром —
Не создать преграды
Голубым мундирам.

Мира тот владыкой
Будет, кто трудится.
Это в нём велико,
Этим он гордится!..

- 1905

ЗАБАСТОВКА

Молчат гиганты-корпуса,
Машины не грохочут,
Но смелы, дерзки голоса
Бастующих рабочих.

Нет ни дыминки, спущен пар,
Покончена работа.
Последним вышел кочегар
Из царства тьмы и пота.

Одна «контора», как раба,
В народе пустозвонит:
Что ничего не даст борьба,
Что капитал всё сломит.

Кричат «конторе»: «Замолчи
И жди от нас расчетов...»
«На площади!.. — крикнули ткачи, —
К управе живоглотов!..»

И потекла рабочих рать.
Народ неузнаваем:
Никто не захотел отстать,
Немой стал краснобаем.

С панелей робкие сошли,
Сомкнулись гнева токи...
Победно-новое земли
Шумит в людском потоке.

1906

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ЗАБАСТОВКИ

Ворота фабрик на запоре,
Где почта сторожам сдана,
С утра нет никого в конторе,
И в телефонной тишина.

Нет в сторожах раба-служаки:
В сторожку пробралась мысль,
Что с фабрикантами без драки
Нельзя рабочим обойтись.

А люди города, предместий,
С окраин нищеты людской
Потоком гнева, лавой мести
Стекались к думе городской.

Из окон думы именитой
Встречали стачечный напор
С улыбкой злобной, ядовитой
Жандармский ротмистр, прокурор.

Вожди улыбки их видали
В былые арестные дни;
И в час, когда ткачи восстали,
Уже не страшны им они.

Когда с трибун, как из бойниц,
Дošли до власти вопли женщин,
То улыбающихся лиц
Среди мундиров стало меньше.

Власть услыхала — с картузом
Был брошен лозунг в гущу массы:
«Не может крепшим быть стачком,
Когда в стачкоме нету кассы».

Картуз вернулся: медяки
Звучали в нем победной речью,
Рабочих крохи, пятаки,
Властей хлестали, как картечью.

1905

У КРОВАВО-РОКОВОЙ ГРАНИ

Перед подъездом сильных
Стояли мы стеной,
Голодных, нервных, пыльных
Нас окружал конвой.

Казачи-астраханцы
Плясали на конях,
И жутки были танцы
На сытых лошадях.

Под храп коней казацких,
Под музыку подков
Мы, дети шумных ткацких,
Шли на огонь штыков.

Мы поднимали руки,
Крича: «Работы! Есть!»
В нас говорили муки,
Поруганная честь.

Мы долю трудовую
Влачили как позор...
Мы взрыли мостовую,
Чтоб дать врагу отпор.

Мы подходили к грани
Кроваво-роковой.
Но что-то в черном стане
Сдержало их разбой.

1906

НЕВЕСТА

Через силу пришла я к станку за навой,
Я дремлю: не станком занята голова.
Я всю ночь не спала, шила флаг боевой
И на нём вышивала свободы слова.

Мать вставала ко мне, не давала огня,
Всё твердила отцу, что гублю я семью...
Мать не слушал отец: поощрял он меня,
Улыбаясь, глядел на работу мою.

А потом мать сдалась, и родные вдвоём
Сторожили меня у ворот, у окна.
Говорила я им за запретным шитьём,
Что объявлена будет буржуям война,

Что работа мне эта приданым пойдёт,
Что жених у меня из героев герой, —
Не к венцу, а на площадь меня поведёт,
Где развернут им будет наш флаг боевой.

НА МИТИНГЕ

Море голов. Слышен говор зазорный,
Грозны с трибун голоса...
Флаги красуются: красный и черный.
Это — его паруса.

Черный — по павшим героям развернут,
Надпись к возмездью зовёт.
Красный — кричит, что живые попомнят
Тем, кто голодных гнетёт.

В море голов, словно белые чайки,
Женщин белеют платки.
Это — недавние наши хозяйки,
Знавшие только шестки.

Это — величие сил неуёмных,
Мощь рокового огня.
Ринется он, и подмоет довольных —
Берег счастливого дня.

1906

С УВОДИ НА ТАЛКУ

(Глава из поэмы «Гора»)

*Владельцы фабрик — палачи,
Их слуги — им подмога,
Теснят — терни, дерут — молчи,
Умри — одна дорога!
(Из песни восставших
силезских ткачей)*

Здесь были свои со своими,
Что жили на равном тягле...
В одном мы коптились дыме,
В одном мы варились котле.

И были мы тверды в бунтарстве
И знали, куда мы идём,
Как борются в ситцевом царстве
И кто в этом царстве царём.

Узнали, как после ристалищ,
Казацких набегов, плетей
По-новому слово «товарищ»
Запело святого святей.

Мы вышли, ушли из-под пресса,
На что не глядели б глаза.

Мы видели сказочность леса
Из рук, голосующих «за».

За мысль, что не знает свободы,
А знает лишь тюрем окно.
За то, чтобы были народы
Все вместе и все заодно.

Забита мещанская рухлядь, —
Она уходила в бытё.
Мы проклиjali старую Уводь,
На Талку сменяли её.

И наши слова доходили
До чуткого уха, до глаз,
До ран застарелой обиды
Широких обиженных масс.

Ложилось всё это посевом
На почву, что взрыта была,
Отчаяньем, голодом, гневом
И вечным бесправьем тягла.

На улице имени графа
Восстанье «порядок» крушит;
Свалили столбы телеграфа,
Из проволок выткали щит.

Как строить щиты, баррикады,
Учились наши ткачи,
Не зная сожалений, пощады
К тому, что творят богачи.

У фабрик росли бивуаки,
С вокзала тянулся наш брат,
За сотнею сотня — казаки,
За ротую — рота солдат.

Но братья в шинелях брататься
Не думали с нами тогда,
Пришлось в штыки упираться
Защитникам воли, труда.

Мы были едины в Совете,
Сошлись в нём не с разных дорог.
И знали, что голодны дети —
День осени стал недалёк.

Что время о зимних невзгодах
Подумать, поглубже взглянуть.
Что будет потом на заводах,
Каким будет фабрики путь.

В их стены придётся вернуться
До нового мая утра:
Мы знали — враги не уймутся,
Останется гнёта пора...

Заставит жить снова борьбою,
Мечей мы не вложим в ножны,
Как шли мы стеной лобовою,
Такой и остаться должны.

Не дрогнули мы пред укором,
Когда прогудели гудки,
Широкой волною, напором
В атаку пошли все станки.

Клялись, что себя по-хозяйски
Мы будем вести в корпусах.
Не будем, как раньше, по-рабски
Толкаться в конторских дверях.

На мир, на уступки, на сделки
Не шли мы и впредь не пойдём.
Мы были в большой переделке
И вышли оттуда живьём.

1905

ЕВЛАМПИЙ ДУНАЕВ

Дунаев говорил. Казалось, с наших плеч
Спадали лямки трудового ига, —
Захватывала нас его простая речь,
Как всем понятная, всем дорогая книга.

Впивались женские глаза в него любовно,
Никто не мог его не одобрять,
И утверждалось всеми поголовно
Решительное — да, врагу не уступать.

Дивились все, куда девалась поступь рабья,
Когда все, как один, сомкнувшись на врага,
С любимым именем Дунаева Евлампья
Связали нашей Талки берега.

Тот берег, где земля давно не знала леса,
Мы облесили массою людской.
И цвёл в лесу мятеж, и пелась «Марсельеза»,
И отовсюду веяло бунтарскою душой.

1925

НАША ТАЛКА

Наша Талка — малоречье,
И Дунаем ей не быть,
Но дунаевские речи
Нам на ней не позабыть.

Пусть речонка маловодна,
Но оставлен ею след,
Где истории угодно
Было вынянчить Совет.

Неказистая собою,
Речка мирно вдаль текла,
И её вода живою
Никогда здесь не слыла.

А рабочий наш, как в сказке,
Стал на ней совсем живой,
Он из ткацкой, самотаски
Вырос в силу, стал герой.

Общность сил всего чудесней —
С ней в борьбе всё можно взять;
Про неё сложились песни,
Будут песни вековать.

Наша Талка — малоречье,
И Дунаем ей не быть,
Но дунаевские речи
Нам на ней не позабыть.

1935

«ЦВЕТУТ ФИАЛКИ»

Я помню прошлого маёвки...
Тот день, особенно большой,
Нечеловеческой издёвки
Над человеческой душой.

Мы из подполья уходили
В лесные дебри-тайники,
А вслед за нами шли, следили
Казачи, подлые шпики.

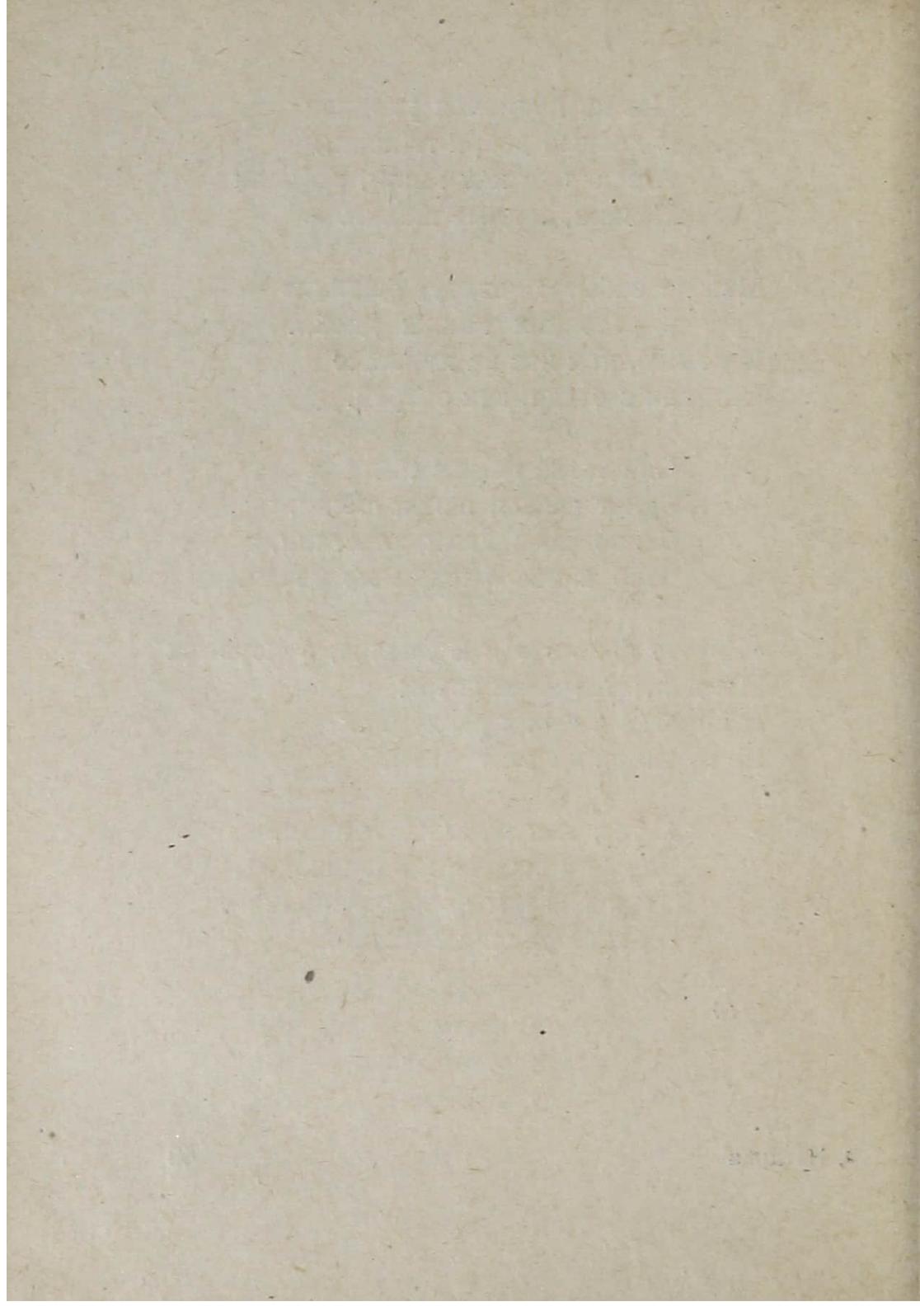
Мне не забыть: «цветут фиалки» —
Пароль весенних наших дней...
И помню, как нас на лужайке
Сгоняли в стадо, как зверей.

Они тогда из нас собирали
Букет весны, венок плели,
И зло нагайками хлестали,
Чтоб в нас фиалки не цвели.

«Цветут фиалки»... В ссылке, в тюрьмах
Мы долго помнили потом
И никогда в своих раздумьях
Не примирились с врагом.

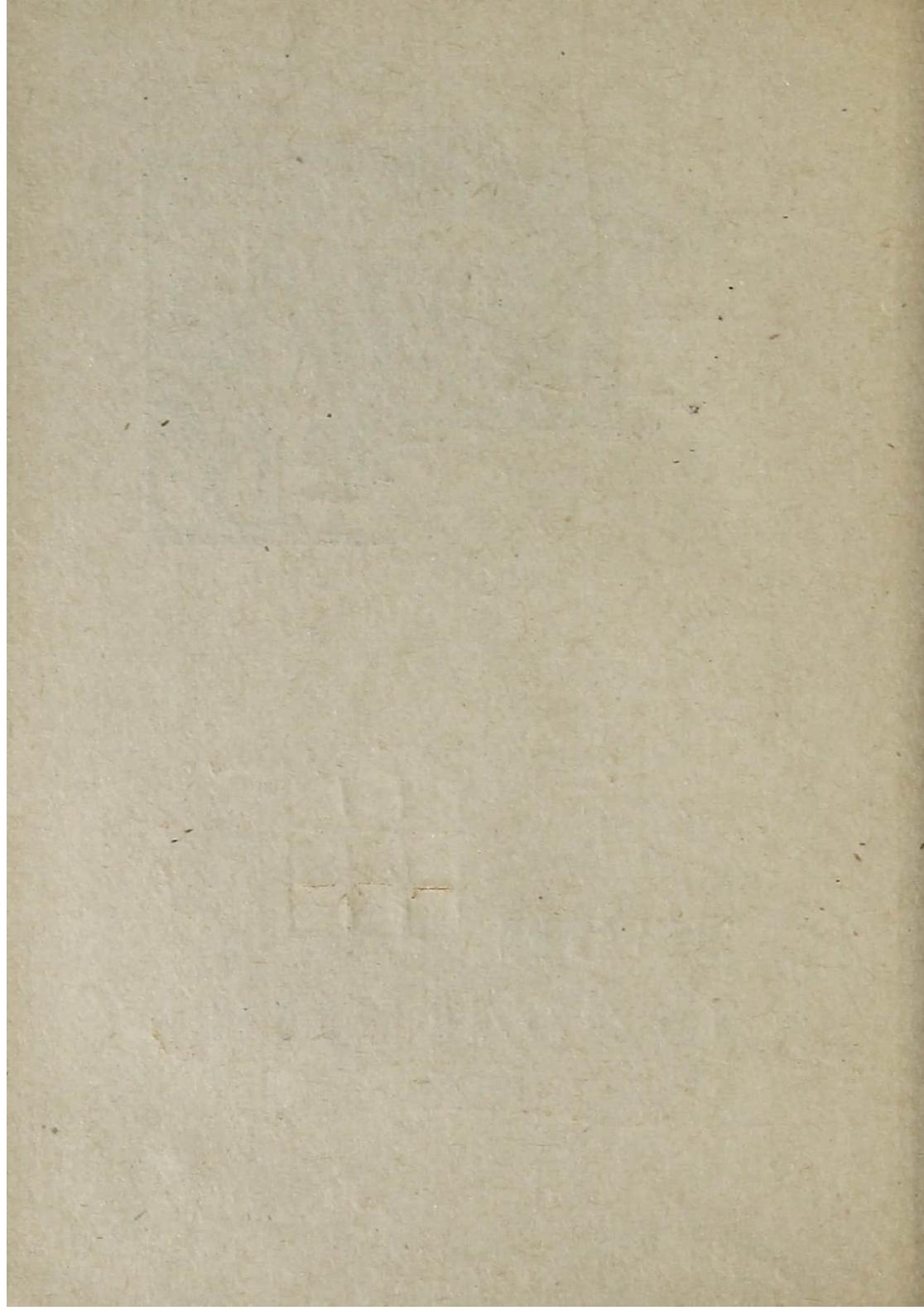
А там нас мучили, томили,
Держа в железе и в пыли.
Но мы и там борьбою жили —
В душе фиалки берегли.

1910

**ЗВОН
КАНДАЛЬНЫЙ**

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ

Как вор в ночи, поднявши ворот,
Крадусь я городом родным.
А ведь недавно этот город
Меня любил, считал своим.

Родная, милая сторонка,
Пришел семью я увидеть.
Хоть услышать бы плач ребенка!
Хоть колыбель бы покачать!

Но как-нибудь до наступленья
Шумихи, жизни городской —
Еще одно я преступленье
Свершу, увижуся с семьей.

Посты мне в городе знакомы,
Я обойду их, прячась в тьму.
С тряпья холодного, с соломы
Семью родную подниму.

А схватят... тяжкая дорога...
Этап... Путевка на гроши...
И я до милого порога
Крадусь, как вор, в ночной тиши.

1911

В ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ

Цепи, что ноги сковали,
Цепи, что ноги томят,
Песню тоски и печали
Снова запели, гремят...

Ноги оков не выносят,
Бледные люди скорбят...
Слабых немногих подвозят,
Вещи в санях их теснят.

Холодно. Пешие скоро
Будут подплясывать, стыть...
Холодом окрик надзора
Будет несчастных томить.

«Лучше бы петля, удавка...» —
Злобно они говорят.
Вот и селение... лавка...
«Что кому надо?» — кричат.

В сёлах кандалыщиков любят.
Бабы, их встретив, взгрустнут...
«Вечные» — брови насупят,
«Срочные» — тяжко вздохнут.

1908

ПЕРЕД ДНЁВКОЙ

Под музыку обгонных троек
Нас гонят... Нынче много их...
Но путь наш скучен, тяжко-горек,
Веселья нет у молодых.

Под музыку большой дороги,
С летящим бойким перезвоном,
Идём мы, забиваем ноги,
Сопровождаем боль их стоном.

С «железом» первая подвода,
С полуживыми позади
Идет... Бушует непогода...
И нет отрады впереди...

Не слаще нашего конвою;
А завтра праздник у солдат.
Конвой, внимая вьюги вою,
И рождеству совсем не рад.

И нас не тешит завтра днёвка:
С ней не умолкнет звон цепей.
Нам убежать не даст винтовка
И в праздник наших сторожей.

1908

ВОСПОМИНАНИЕ

Умер товарищ внезапно,
Лучший наш друг по борьбе.
Умер на днёвке, в этапной,
В старой крестьянской избе.

Бремя пути с арестанта
Смерть без приказа сняла.
Тихо конвоя команда
От мертвеца отошла.

Лишь шутником-конвоиром
С грустью твердится одно:
«Нынче здесь смерть командиром —
Можно держаться вольно».

В женской в слезах вся, в тревоге;
Ходят все около той,
Что по проклятой дороге
Шла за покойным сестрой.

Весть о случившемся с нами
Всё облетела село,
И населенье друзьями
К нам, как к своим, потекло.

Бабы этап обступили,
Слёзы и вой у бабья;
Дело забот о могиле
Взяли они на себя.

Вспомнил я вече мирщины,
Чем тут жил в прошлом народ...
Вот что, какие картины
Память моя бережет.

1908

ОХОТА

Птицы в сѣльгах не поют,
Не цветут поляны,
А ночуют да днюют
Сизые туманы.

Нет туманов — дождь идёт:
Окладной, недельной.
Затомился наш народ
Скукою постельной.

Надоело нам лежать,
Залежались лыжи...
«Эх, пора бы погонять
По лисице рыжей»...

Любят наши егеря
Помечтать, подумать,
Что здесь всякого зверья,
Всякой дичи — уйма.

А мечта — ружье иметь —
Плод опасной страсти,
На неё давно запрет
Наложили власти.

Но по нам, как по зверям,
Введена охота,
Здесь урядникам, шпикам
Есть с ружьём работа.

За побег бить смельчака
Нет для них запрета,
У урядника, шпика
Есть закон на это.

1908

ИДЕТ ЭТАП

Идет этап... Как день весны,
Мы встретили его:
Вестей с родимой стороны
Мы ждали от него.
Что в нём, нейдут ли земляки?..
Знакомых нет ли в нём?..
И, как всегда, конвой в штыки
Нас встретил, — был врагом
В досаду вылился восторг,
Желанье близких встреч...
И шел с солдатами наш торг,
Держали к ним мы речь.
На языке кавказских гор
Спросил своих грузин.
Ответа нет... А с давних пор
Он «вечник» здесь, один...
Я не сводил с кавказца глаз:
Он внутренне рыдал,
И с той поры его Кавказ
Мне как-то ближе стал.

1908

НОВИЧКИ ПРИШЛИ

Оживилось село,
Оживили новости:
Ссылных пятеро пришло,
Будут жить здесь в волости.
Кто? Откуда? Срок какой?
Мы узнать спешили...
Новички одной семьей
В ссылку угодили.
Из-под Киева семья —
Дед, четыре сына...
Удивляют их края,
Быт северянина.
Тощи севера волы,
Много мошек, гада,
У овец хвосты малы,
А лесов — громада.
Северян дивит покрой
Их штанов, как юбок,
И дивит их дым большой
От пяти их трубок.
Примитивность северян
И наивность юга,
Как убожества крестьян,
Здесь нашли друг друга.

1908

ВЬЮГА

Что-то много непогожих
Дней метельных, как шальных,
Нет давно гостей «прохожих»,
Задержала вьюга их.

Гости — «общества подонки» —
Забавляют нас зимой:
Их рассказы, побасёнки —
Наш театр передвижной.

Хороши, всегда в ударе,
Врут и в прозе и в стихах.
Вьюга в их репертуаре —
Две-три басни о чертях.

Если вьюга долго злится,
То они нам говорят:
— Это в-третьи черт жениться
Вздумал, бесится и ад...

А когда и как впервые
Он женился, не слышать...
И кому здесь в дни такие,
Как не черту, пировать.

1908

БУЯНКА

Слышишь, товарищ мой милый,
Волки к селу подошли,
С лютой звериною силой
Песню свою завели.

Остерегайся, Буянка,
Зверя набегов лихих:
Наша с тобой здесь лежанка
Лучше шатаний ночных.

Мы на лежанке ночами
Будем с тобой почивать,
Будем ложиться друзьями,
Будем друзьями вставать.

Утром, когда встану к чаю,
Я тебе хлебушка дам,
Как-нибудь волчью-то стаю
Мы обойдем по ночам.

С волками ты ведь не воин,
Где тебе, дружба моя!..
Спит мой товарищ, покоен.
Рядышком лягу и я.

1908

ОНИ УШЛИ

Они ушли от пут насилья.
Напрасно их здесь стерегли.
Они умчались, — словно крылья
У них на время отросли.

Они ушли. Им — юным, вольным —
Нельзя здесь было усидеть,
Когда по всем путям окольным
Всё начинало жить и петь.

И долго вслед за беглецами
Мы повторяли радость дня:
Они ушли, ушли кремнями,
Всю ценность духа сохраняя.

Они ушли. И как им, вольным,
От нас, безвольных, не уйти,
Когда по всем путям окольным
Всё начинало петь, цвести.

1908

ОДИНОЧЕСТВО

Я один. Свои ушли.
Ночь, что враг, — постылая.
Светлый край давно вдали...
Даль — родная, милая!..

Я не скоро утолю
Жажду сердца бедного.
Я пошлю домой — «люблю»,
Буду ждать ответного.

Ну, а если да сама
Прикатит... Ведь с милою
Будет легче ночи тьма, —
Разгоню постылую.

У меня в руках она,
Светлая, веселая...
Грёзы меркнут... У окна
Ночь стоит тяжелая.

Колокольчик... Тройка мчит,
Мимо мчит прогонная,
Сердце бедное томит:
Извела ночь тёмная.

1909

В КРЫЛАТКЕ

Чернолесье пожелтело,
Красный лес, как был, стоит;
Вдаль уверенно и смело
Птица стаями летит.

На свободе без оглядки
Можно ей и мчать и петь.
Ну, а мне в моей крылатке
Далеко не улететь.

1909

У ПРОРУБИ

В полушубках рваных, рыжих
Рыбу удит детвора;
Зябнет, греется на лыжах
У огромного костра.

«Песню пахаря» Кольцова
Декламирует один.
Глушь кругом, а мастер слова
И в глуши здесь господин.

Мы в изгнаныи, а привольно
Всё нам кажется кругом.

В чтеньи как-то произвольно
Стих вставляем за стихом.

Улыбается счастливо
Чтение вызвавший, малыш.
И бегут, бегут красиво
От костра дорожки лыж.

ДОМОЙ

Я свободен. Путь мой весел,
Весельчак ямщик попал,
Под дугою он подвесил
Бубенцы, как подобрал.

Горячат, бодрят, ласкают...
Кони пляшут, а не мчат,
Словно радость мою знают,
Подогреть её хотят.

Слышно, кто-то едет встречный,
Потянулся я вперед.
Мой ямщик, вздохнув сердечно,
Говорит: «Этап идет».

Подъезжаем мы к этапу.
Много сменщиков идет.
Вижу — кто-то поднял шляпу,
Я ответил в свой черед.

Улыбнулся лаской кто-то...
Вспомнил: это наш «Гааз»,
Что всегда с большой заботой
Собирал в этапы нас.

А теперь и сам в дороге...
Но и здесь, конечно, он
О товарищах в тревоге,
Весь в заботы погружён.

1911

СИВЕРКА

Со сторонюшки немшоной
Дует сиверка лихая.
Над деревней, занесённой
Снегом, ночь стоит глухая.

Огоньки в деревне мутны:
Знать, опять палят лучину.
Избы тесны, неуютны...
Коротают в них кручину.

То солдатка... Ей не спится,
Извелась болями сердца:
Нет хозяина-кормильца,
Нет хозяина-радельца.

То вдова, с большой охапкой
Детворы, полунагая...
У неё в избенке зябко...
Дует сиверка лихая.

1915

В УЛИЦЕ

Средь городских костюмов модного покрою
Сермяжное рунё должны мы отмечать:
В нём жены, матери страдающих героев
Мужей и сыновей приходят навещать.

Они проходят здесь с пытливыми очами,
Согбенные под ситцевым мешком...
Дорогу — женщине с котомкой за плечами!
Дорогу — истине, что шествует пешком!

1916

КРОВАВАЯ ДАТА

(1915 г. — 10(23) августа)

I

В этот день на кровавом посту
Слуги царские злобой кипели.

Приложились к ружью, как к кресту,
От безумья и крови пьянели.

В этот день, кто всего претерпел,
Знал и ведал и цепи, и плети,
Видел, как за участие в толпе
Под обстрелом метались дети.

В этот день рассмотрели одни,
Как ценили другие жизнь нашу
И поверившим в светлые дни
Подносили кровавую чашу.

В этот день палачи-молодцы
Перевязывать ран не давали..
Горько плакали наши отцы,
Наши матери тяжко рыдали.

II

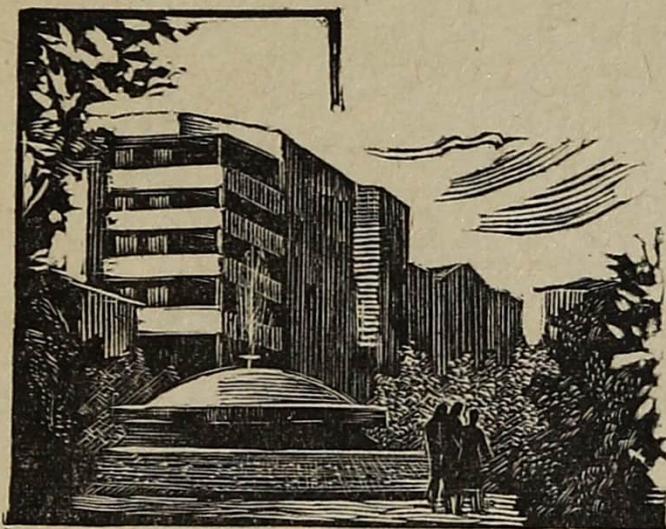
Лысый командир и прапорщик безусый,
В стороне от бойни мировой,
Здесь, в тылу, работали, как трусы,
Прятались в щетине штыковой.

На мосту они Приказном, старом
Приказали: — Расстреляйте эту мразь!
Чтоб рабочих бунт не сделался пожаром,
Пыль взмесите в кровавую грязь!..

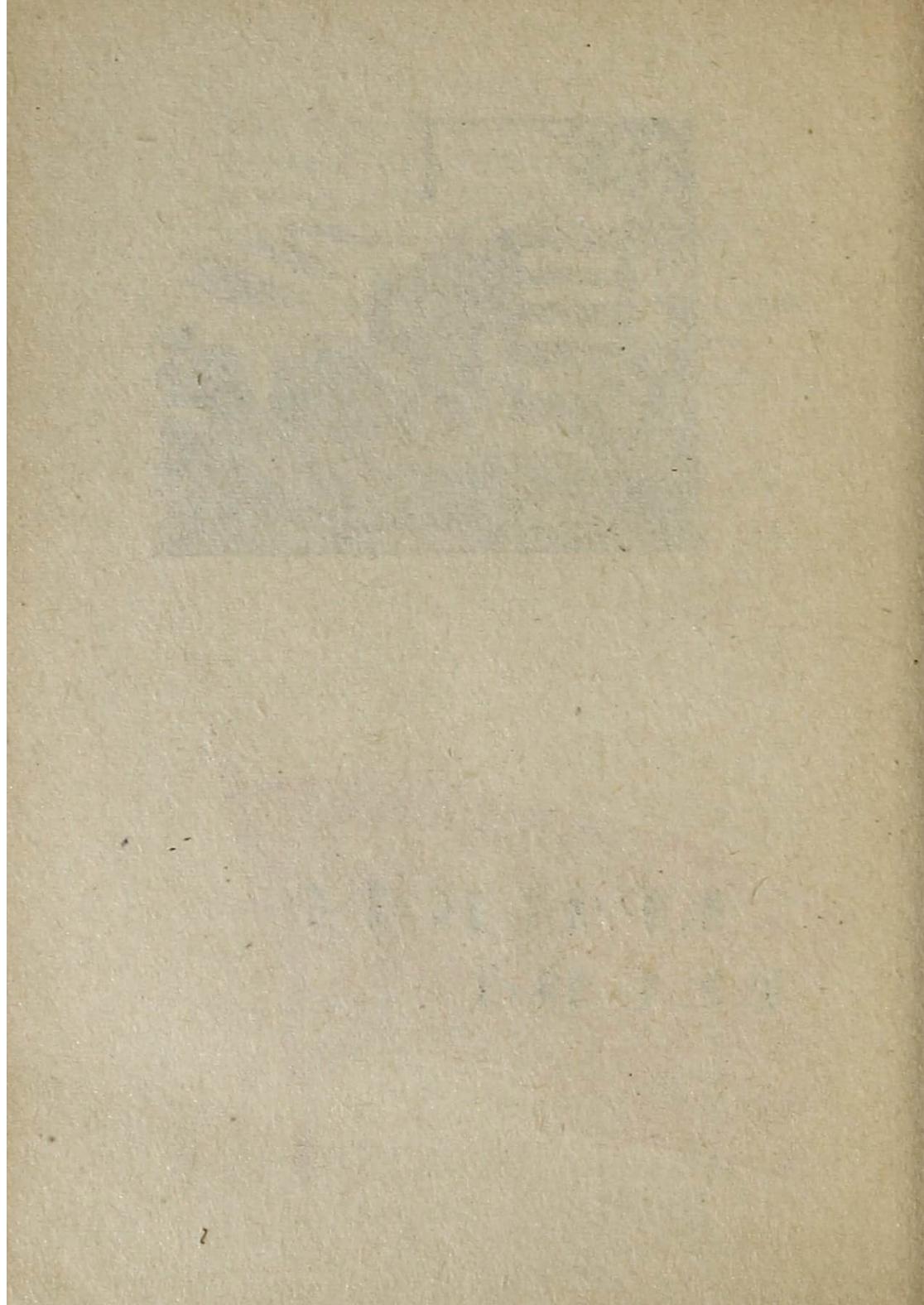
Залп толпу, её живую гущу,
Пронизал — и смертью разрядил...
И палач потом ругался — в душу,
Что «товарищей» так мало положил.

Но возвратными сказались вражьи пули:
Август выпустил их к ночи на заре,
А вернулись одни из них — в Июле,
Остальные — в буйном Октябре.

1920

**КРАСНАЯ
ВЕСНА**

«ИНТЕРНАЛ»

Старый ткач чтеца-сынишку
От книжонки оторвал.

— Брось-ка сказки. На вот книжку...
Ты ее бы почитал!..

Книжка, парень, небольшая,
Много меньше псалтыря,
А поверь, сынок, такая...
Против бога и царя.

Ты найди в ней песню эту,
Ту, где пишут: будет бой,
Всех купцов сживут со свету...
Ты читай — я за тобой.

И за сыном, как молитву,
Учит ткач свой «Интернал».
— Слышишь, баба, скоро в битву
Мы пойдем на капитал...—

И неожиданно вдруг он всхлипнул...
Со слезами — на жену:
— Ты ворчала все, что гибну,
Что я тешу сатану.

Нет! Он будет, и последний,
Наш рабочий — смертный бой... —
И ткача домишко бедный
Захлебнулся красотой.

1917

В БОКОВУШЕ

У работницы Настюши
Неуёмный разговор:
В её тесной боковуше
Нынче слову дан простор.

Молодой народ — все боечь,
И ему бы только жить,
А не жизни тяжкой горечь
В глубине души таить.

Но сегодня всё наружу
Прёт, как в мае зеления;
Каждый хочет свою душу
Обогреть свободой дня.

Слышно: — К чёрту боковуши!
К чёрту, побоку весь строй!.. —
И бурлят у юных души
Наступающей грозой.

1917

ЗНАМЯ

Оторачивают девки
Красный флаг из кумача;
Завтра будет он на древке
Красным знаменем ткача.

Древко красится парнями
В цвет задорный полотна:
Не боятся, что шпиками
Снег утопан у окна.

Занавешено морозцем
Боковушное окно.
А кто будет знаменосцем, —
Бросить жребий решено.

1917

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА

В царстве красных флагов, радостного крика,
Торжества, что пало зло родной страны,
Расцвела привольно красная гвоздика,
Граждане дождались и её весны.

И она свободна, пали её цепи!
Как идёт цветочек к милому лицу
Грустной дамы в длинном, длинном черном
крепе,

В трауре по брату, павшему борцу...

Красная гвоздика выросла в подполье,
А теперь на воле — всем родной цветок.
Ей окрепнуть надо, и весны приволье
Даст ей эту силу, даст ей нужный сок.

Красная гвоздика у меня в петлице.
К сединам, быть может, и нейдет она,
Но уж дни такие, — мы вольны, как птицы,
Всех нас подбодрила красная весна.

1917

НА ВОЛЕ

Хороший, теплый день,
Всё смотрит по-весенни,
В работе деревень
Ни скуки нет, ни лени.

Спешат во все концы
Кто с плугом, кто с сохой,
И борозды-рубцы
Шлифуются землею.

И нам молчать нельзя,
Как смене произвола.
Свободная стезя
Лежит пред нами в сёла.

И там, где жизнь полна,
Взывают к светлой доле,
Ждут нашего зерна
И слов о новой воле.

Мы там должны сказать,
Уврачевать те муки,
Как укрепить, как взять
Святое дело в руки.

Чтоб солнце и земля
В одном союзе были,
Чтоб родины поля
Нам братский хлеб растили.

1919

НАПУТСТВИЕ

Что нам плакать по минувшему,
Что отсталых вспоминать?
Мы должны служить грядущему,
Дали жизни прозреть!

В схватках, в битвах уцелевшему
Вновь грозит захватом рать;
Перед боем оробевшему
Надо в руки себя взять.

Будит всех нас утро алое
На заводах, на полях...
Все за дело! Кто за малое,
Кто за подвиг; за размах!

Жажду светлого и вечного,
Хоть мечтой, да утоляй.
Разводить руками нечего,
Все, что можешь, воплощай!

Кончен путь кануна длинного,
Путь лишений и невзгод;
Из-под гнёта непосильного
Вышел вольницей народ.

Верь, во всем его рост скажется,
Ведь не век ему страдать,
Узел злобы так развяжется,
Что потом и не связать.

1920

ДУМКА КРЕСТЬЯНИНА

Подтянулась Воронуха,
Подтянула и меня:
С ней земельку мягче пуха
Распахал сегодня я.

Пусть земелька и соседки,
Но близка мне и она:
У соседки малы детки,
Отняла отца война.

Он трудится в бранном поле
Против царского тягла,
За мирское дело воли,
За народные дела,

Я один, а в поле воин:
За моей спиной сосед
Будет думушкой покоен,
Что у деток есть обед.

А не хватит силы нашей —
Мир придет на помощь нам,
Чтобы не было валящей
Зря землицы по полям.

А пока что Воронуха
В поле радует меня.
С ней земельку мягче пуха
Распахал сегодня я.

1920

НОВЫЙ НАБАТ

Все на работу, на воскресник,
Бить праздность, лютого врага,
Где старый — юному ровесник,
Где каждый всем, себе слуга.

Пусть прошумит наш труд раскатом
Грозы, на страх лихим врагам.
Под песни долга — все к лопатам!
Под зовы долга — все к станкам!

1920

ТРУДОВАЯ ГРОЗА

Жизнь трудящихся, искусников
Общим сделалась трудом.
Дрогнул враг, работа блузников
Грозным падает дождём.

Под немолчный шум трансмиссии,
Под немолчный шум машин
Все они труд высшей миссии
Исполняют, как один.

Все они одним настроены:
Как бы волю уберечь.
С этой мыслью — они воины,
Острый ум — хороший меч.

С каждым днём удары молота
Всё сильнее, всё жарче день.
«Да не будет войн и голода!» —
Слышно в скрипе шестерень

1920

ПЕСЕНКА-ПРЕДВЕСТНИЦА

Май придет гремучий,
Яркою стезею,
С дождевою тучей,
С первою грозью.

Май нас зачарует
Голубыми днями,
Нас он зацелует
Солнышка лучами.

Травам-изумрудам
Даст и рост и краски
И промчится чудом
Вдохновенной сказки.

В сказку новой жизни
Облечется время...
И в моей Отчизне
Труд уже не бремя.

Плоть и кровь рабочих —
Хмелем забурлила,
Стройка новых зодчих,
Мировая сила,

Близятся к нам дали,
Золотые сроки,
Те, о чем мечтали
Мудрецы-пророки.

1921

НЕУЗНАВАЕМАЯ

Всё здесь Октябрь овеял новью,
От труб, ворот до корпусов;
Разорено орлов гнездовье,
Нет над воротами гербов.

Над ними ярким пятизначьем
Отображен наш новый строй,
И не сгорбясь подходит ткач к ним,
А с приподнятой головой.

Здесь нет, не стало ванн из пота,
Что принимал недавно ткач,
Здесь не томит его работа,
Как понукающий палач.

Не стало прежнего застенка,
Что мысль и чувство так гнетёт.
Здесь каждый винтик, шестерёнка
Тон новой жизни задаёт.

1922

МОЯ ДЕЖУРКА

Я у природы как дежурный:
За всем слежу, на все смотрю.
Люблю я дня покров лазурный,
На нём вечернюю зарю.

Моя дежурка — мир громадный.
О, я величие люблю...
И только смерти беспощадной
Свой пост любимый уступлю.

КРЕМЕНИЙ-САМОЦВЕТ

Урала самоцветные каменья
И золото для их оправы,
Вы славились всегда, как украшенье
Короны царской, скипетра державы.

Но ты, Урала царство аметистов,
Совсем потускло в тот великий день,
Когда к тебе пришел из края коммунистов
Могучий человек-кремень.

Он дошибал врага, что царские устои
Задумал возродить опять.
Его соратники, ткачи-герои,
Умели дома ткать, а в битвах умирать.

Кто этот самоцвет, Урала дивный камень?
Наш незабвенный Фрунзе Михаил,
Разжегший небывалый пламень
Отваги, мужества своих соратных сил.

В таких боях быть могут и камня стертые...
И вот его уж нет с забралом боевым.
Но в памяти его стальной когорты
Он неизменно цел, он стал для нас живым:

В оправе своего великого народа
Нашел он место, как пример побед...
Какая редкая кремня порода!
Какой был это дивный самоцвет!

1925

РАССКАЗ СТАРИКА

Старый ткач на новой фабрике,
Чтоб не сдать, не уступить,
Старый опыт, свои навыки
Хочет к делу приложить.

Говорит: «Я, шалый, сподличал,
Изменил своим станкам:
В дни разрухи жил — кусочничал
По приволжским деревням.

А теперь опять за «парою»
Я стою, коней гоню,
Со своей смекалкой старою
Мыслью взять и «четверню».

Хорошо, не по-бывалошни
Подмастерья мастерят,
А ткачихи — словно барышни
С головы до самых пят.

И все эти Тоси, Ньюшеньки
Выполняют промфинплан...
Прожужжали все мне ушеньки:
— Подтянися, старикан!..

Подтянусь: не хамы-ироды
Управляют стариком,
Понимаю свои выгоды
Быть хозяином-ткачом.

Не хочу прослыть негодником...
Да и фабрика — «Отца»:
Я ведь сам рачил с покойником
У Бурылина-купца.

Хорошо «Отца» я помню,
Помню вечер октября,
Черносотенную бойню
В честь кровавого царя.

Да! В тот вечер дня ненастного
Пали многие ткачи,
И до Феди Афанасьева
Добрались палачи.

Злая сила ухайдакала —
Не ушел он от зверья...
Помню: баба моя плакала,
Скрежетал зубами я...

Не забыто, что им сказано:
Будет время то, придёт,
Что для фабрики хозяина
Сам рабочий призовет.

И сбылось: «сварили шарики»,
Фабрикантом стал свой брат,
И в его руках все фабрики
Пуще прежнего дымят!..

ОТЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

В чаду табачном в комнате-курилке
Подвижники подполья спор ведут,
Где душно, как в избе сибирской ссылки,
Когда собирались на диспуты, на суд.

Подпольщики один другого старше,
Кто слеп, кто дряхл, но больше молодцы;
И все они — герои жизни нашей,
Великой революции отцы.

Весь Север, всю Сибирь они перепознали,
Как книгу скорбную отчаяний земли,
Где Ленина одни встречали,
Другие с ним туда этапом шли.

Перемежается всё это сожаленьем
О рано выбывших из боевых рядов;
Подсчитывают добытый терпением
Стаж ссылки, тюрем, каторжных годов.

Не мудрено, что эти люди слепы,
Что преждевременно пришлось одряхлеть...
Но кончено... Забудем тюрем цепи:
Насилием им больше не греметь...

Звонят звонки в хоромах бывших барских,
Зовут на заседание дней старых бунтаря...
В программе дня: тринадцать лет Октябрьских,
Двенадцать лет предгрозя Октября.

1930

ПОЭТУ-ДВОЙНИКУ

А. Н. Благову.

Поэт заводов, фабрик, Глинищева, Ям,
Художник, мастер песенного слова,
Как ткач ты рассказал ткачам
О новых их путях, о их путях былого.

А нынче о тебе ткачи ведут рассказ,
Чем был ты за полсотни лет в краю текстиля,
Как вырос из тебя поэт-энтузиаст
Созвучного эпохе нашей стилия.

Была пора: ты знал полей народ,
Шел к песням от лесов и пастбищ,
Но грянул Пятый, пролетарский год,
И ты запел, как новых дней товарищ.

А самого травил годами анилин,
Дивиться надо, как тебя совсем не затравили,
От анилина шел лишь путь один:
Под заступ, к преждевременной могиле.

Мучительнее анилина был царя сапог.
Кого он не давил жестокою пятою?
Для наших вольных песен не было дорог,
Борьба за них была мучительной борьбою.

Твой путь — мой путь: через одни рогатки
Его нам приходилось пролагать,
И наших песен первые зачатки
Не можем мы победою назвать.

Сейчас же мы живем
Такой искусства полнотою,
Чего и сфантазировать мы раньше не могли.
И счастливы мы тем,
Что под кнутом, нуждою
Свой песен дар, как честь, уберегли.

1933

В ДОЛИНЕ ТАЛКИ

В долине Талки вырос дом,
Всё необычно, ново в нём,
Где мировой рабочий класс
Объединил детей всех рас,
Где из-под солнца всех широт
Я видел маленьких сирот.

Кто зодчий? Кто детдом воздвиг?
Наш ткач, наш старый большевик.
Кто верил в помощь братских сил,
Стоял за МОПР, за красный тыл.
На призывную МОПРа речь

Отозвались: Свердловск и Керчь,
Москва, Майкоп, сосед Ковров,
Ряд зарубежных городов...
За комбинатом комбинат
Сдал в фонд постройки силикат;
Со всех концов страны текло
Железо, дерево, стекло.
При братской помощи во всём
В долине Талки вырос дом.

И в Пятом, в пору битв, на ней
Был дом без юкон, без дверей,
Неизмеримых измерений,
Что создал наш рабочий гений,
Где вырос первый наш Совет
И вольных знаний факультет.
Социализм читали в нём:
Товарищ Бубнов — наш нарком,
Всегда одетый скромно, в блузе
Блистал на кафедре сам Фрунзе.
Был ряд таких профессоров —
Дунаев, Лакин, Балашов.
Встает вопрос, что этот дом
Не предрешен ли был в былом,
Что он в местах боёв возник
Как память их, как большевик.

1933

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Закудаhtал трактор
На колхозном поле.
Радость-то какая
В нашем комсомоле!..

Слышно, ох, как важен
Новый наш товарищ!
С этим черномазым
Пахоту наладишь...

Все заговорили
О машинной вспашке,
Есть чем бить, и крепко,
По кулацкой бражке.

У соседей в поле —
Те же разговоры,
И они решили
Заводить моторы.

Надо к ним свой опыт
Поскорее двинуть,
Не давать горячей
Мысли их остынуть.

Кулака бьет крепко
Наш стальной оратор,
Подаренный МОПром
Неустанный трактор.

1931

ДЕРЕВНЯ ЗЫБИХА

Потянулась и она туда же,
Увидав колхозов всходы.
Умирают старые пейзажи
Деревенской матери-природы

Исчезает дом под крышею косматой,
Подсоломенная грусть-тоска,
Церковушка, ее бог распятый —
Старая «защита» мужика.

Исчезают голбцы и полати —
Место сказок, чертовщины, тайн...
У деревни Зыбихи — на гумнах ароматы,
Новую пшеницею пропах ее комбайн.

ХОРОШО

Хорошо! Поля кругом.
Пéрепела голос.
Лунный свет. Над васильком
Наклонился колос.

Хорошо! И ты со мной
 Близкою, желанной,
Озаренная луной,
 Ночью осиянной.
Хорошо! И так, что я
 Слышу счастья зовы...
Надо думать, нас поля
 Повенчать готовы.

У КОСТРА

Пляс, баяны у костра,
 Женщины разряжены;
Песни радости земли
 Хорошо налажены.
Загулял колхозный люд
 Из села Заречного,
Захотел он отдохнуть
 У костра потешного.
Через теплину старик
 Прыгает, задорится,
Говорит: пришел черед
 Мне похороводиться.
То, что живо в старике,
 Весь колхоз утешило...
Мать-природа, посмотри,
 Как в колхозе весело!..

К ИТОГАМ ЖИЗНИ

Когда страна цветёт,
Она и петь должна,
И радостно поёт
Моей страны весна.

Звучания, цветения —
Жизнь от одних корней
И в пору возрождения,
И в пору вешних дней.

Довольно под горой
Я пожил, потомился,
Хоть год, да будет мой,
За жизнь я уцепился.

За семьдесят мне три,
Года — пора итогов,
А у меня внутри
Кипение восторгов.

Я не хочу молчать,
Душою не гореть,
Когда есть, что сказать,
И есть, о чем мне петь.

1935

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни А. Е. Ноздрина издано два сборника его стихов: «Старый парус» (Московское товарищество писателей, Москва, 1927) и «Избранные стихотворения» (Ивгиз, Иваново, 1935). В первой книжке было 35 стихотворений. Все они, за исключением «Плясовой», вошли во второй сборник, где, кроме того, напечатаны 42 других стихотворения и литературные воспоминания «Как мы начинали». На издание 1935 г., как более полное, здесь в необходимых случаях и делаются ссылки.

Настоящий сборник, выпускаемый к 100-летию со дня рождения А. Е. Ноздрина, составлен из лучших, не утративших своего значения стихотворений упомянутой книги, а также из произведений, публиковавшихся прежде только в периодической печати.

Распределение стихов по отделам, принятое автором, в основном сохранено. Однако внесены изменения. Первый отдел прижизненных сборников назывался «В городе ткачей» и включал как ранние, так и последние стихи.

Поскольку почти все творчество поэта связано с ивановским текстильным краем, целесообразнее оставить в этом отделе лишь произведения, рисующие тяжелую жизнь рабочих при самодержавном строе. Название ему дано по стихотворению «У грозного порога». Следующие затем отделы: «Пятый год», «Звон кандалный», «Красная весна» — так названы автором. Состав их пополнен за счет опущенных теперь отделов прежнего издания и стихотворений, включаемых в книгу впервые. Внутри отделов стихи распределены, как правило, в хронологическом порядке, но также с учетом тематической последовательности.

У ФАБРИЧНЫХ ЗАСТЕНКОВ. «Рабочий дом» — один из видов царских тюрем.

СМЕРТЬ ТКАЧА. «Штука» — местное название куска миткаля. «Пример» в штуке получался в интересах фабриканта от особой установки ткацкого станка. (Прим. к изд. 1935 г.).

ШПИКИ И ПРЕСНЯКИ. Забастовка, о которой рассказывает автор, вспыхнула 22 декабря 1897 г. и продолжалась почти месяц с участием около 15 тысяч человек. Руководил ею Иваново-Вознесенский «Рабочий союз», ставший вскоре организацией РСДРП (в тексте: эс-деки, с.-д.). **Ямы** — район Иваново-

Вознесенска, где жили, главным образом, рабочие. **На Всесвятской в мезонине** — конспиративная квартира. **Витов и Дербенев** — фабриканты. **Тимофеев** — жандармский ротмистр.

НАКАНУНЕ МАЯ. Голубые мундиры — царская жандармерия.

ЗАБАСТОВКА. «Контора» — мелкие конторские служащие.

У КРОВАВО-РОКОВОЙ ГРАНИ. Описан один из эпизодов всеобщей стачки: 14 мая 1905 г., в день приезда губернатора Леонтьева, тысячи рабочих собрались у городской управы — **перед подъездом сильных.** Между возбужденной толпой и казаками-астраханцами едва не произошло кровавое столкновение, предотвращенное лишь благодаря стойкости, организованности бастующих.

НЕВЕСТА. Навой — катушка для основы.

С УВОДИ НА ТАЛКУ. Тягло — подать крестьян помещику. **Ристалище** — место конных скачек; здесь: нападения казаков на бастующих рабочих. **На улице имени графа** — Шереметевской, ныне ул. Фридриха Энгельса.

ЕВЛАМПИЙ ДУНАЕВ. В прижизненных сборниках называлось «Талка». Здесь название дано по имени героя стихотворения.

НАША ТАЛКА. Написано к 30-летию всеобщей стачки и в прижизненном сборнике на-

зывалось «Тридцатилетие». **Самотаска** — самое загрязненное отделение на капиталистической ткацкой фабрике.

В ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ. «**Вечные**» — приговоренные к ссылке навечно, «**срочные**» — на определенный срок.

ПЕРЕД ДНЕВКОЙ. **Дневка** — суточная остановка в пути. **С «железом»** — с кандалами.

ВОСПОМИНАНИЕ. **Вече мирщины** — сельский сход.

ОХОТА. **Сельга** — лес (олонецкое).

ВЬЮГА. «**Прохожие**» — странники-богомольцы. «**Общества подонки**» — ссыльные по уголовным делам.

В КРЫЛАТКЕ. **Крылатка** — широкое мужское пальто-накидка.

У ПРОРУБИ. В сборнике 1935 г. приводилось в тексте литературных воспоминаний. Там рассказывается случай, породивший стихотворение: «Это происходило в глуши Олонецкого края, во время мартовского ужения ершей... Поразительно было то, что собрались люди из разных концов, разных возрастов, а хрестоматийное стихотворение Кольцова у всех так свежо в памяти, как будто оно у нас твердо на всю жизнь».

СИВЕРКА. **Сиверка** — северный ветер. **Немшоная** — о постройке: не законопаченная

мхом. **Раделец** — заботливый, старательный.

КРОВАВАЯ ДАТА. Стихи воскрешают трагическую страницу истории: 10 (23) августа 1915 г. ивановские рабочие, вышедшие на улицы с протестом против империалистической войны и с требованием освободить арестованных накануне товарищей, были беспощадно расстреляны. Огонь по безоружной толпе приказали открыть полковник Смирнов (**лысый командир**) и офицер Носков (**прапорщик безусый**), которых в 1925 г. сурово покарало революционное правосудие. **Приказный мост** над речкой Кокуй после революции был переименован в Красный, а при постройке трамвая в 30-х годах засыпан. Неподалеку, в заново разбитом сквере, находится братская могила, куда в 1924 г. перенесены с кладбища останки двадцати шести жертв расстрела. **В Июле** — выступления рабочих в июле 1917 г.

НЕУЗНАВАЕМАЯ. Пятизначье — пятиконечная звезда.

МОЯ ДЕЖУРКА. Это стихотворение, найденное в архиве поэта В. Я. Брюсова после его смерти, было напечатано как брюсовское в журнале «Россия» в 1923 г. Авторство А. Е. Ноздрина восстановлено публикацией в альманахе «Литературное наследство» № 15 за 1934 г.

РАССКАЗ СТАРИКА. «Пара» и «четверня» — два и четыре ткацких станка. **Рачил** — работал (от старинного: рачитель, рачительный). **Бурылин** — ивановский фабрикант.

ПОЭТУ-ДВОЙНИКУ. Печатается в сокращенном виде. Полностью — в сборнике 1935 г. под заглавием «Юбилейное» с посвящением: «Поэту-двойнику Александру Николаевичу Благову». Написано ко дню его 50-летия.

В ДОЛИНЕ ТАЛКИ. Посвящено открытию в 1933 г. Интернационального детского дома в г. Иванове. Дом построен на средства Международной организации помощи борцам революции (МОПР), при активном содействии советской общественности. Печатается в сокращенном виде.

КОМСОМОЛЬСКАЯ. Поводом для стихотворения послужил тот факт, что в 1931 г. ЦК МОПР вручил одному колхозу Ковровского района трактор как премию за хорошую интернациональную работу.

ДЕРЕВНЯ ЗЫБИХА. **Голбцы** (голбец) — род чулана, загородки в крестьянской избе.

СОДЕРЖАНИЕ

Старый парус	4
Поэт ивановских ткачей. Биографический очерк М. Жохова	5

У грозного порога

Ночью	21
У грозного порога	22
У фабричных застенков	23
Старый город	24
Роман	25
Сменные	26
Смерть ткача	26
Этапы города	27
Старая ткачиха	28
Шпики и пресняки	30

Пятый год

Накануне мая	35
Забастовка	37
На другой день забастовки	38
У кроваво-роковой грани	39
Невеста	41
На митинге	42
С Уводи на Талку	43
Евламий Дунаев	46
Наша Талка	47
«Цветут фиалки»	48

Звон кандалный

Нелегальный	53
В пути следования	54
Перед днёвкой	55
Воспоминание	56
Охота	57
Идет этап	59
Новички пришли	60
Вьюга	61
Буянка	62
Они ушли	63
Одиночество	64
В крылатке	65
У проруби	65
Домой	66

Сиверка	67
В улице	68
Кровавая дата	68

Красная весна

«Интернал»	73
В боковуше	74
Знамя	75
Красная гвоздика	76
На воле	77
Напутствие	78
Думка крестьянина	70
Новый набат	80
Трудовая гроза	81
Песенка-предвестница	82
Неузнаваемая	83
Моя дежурка	84
Кремень-самоцвет	84
Рассказ старика	85
Отцы революции	87
Поэту-двойнику	89
В долине Талки	90
Комсомольская	92
Деревня Зыбиха	93
Хорошо	93
У костра	94
К итогам жизни	95
Примечания	96

14 коп

Авенир Евстигнеев

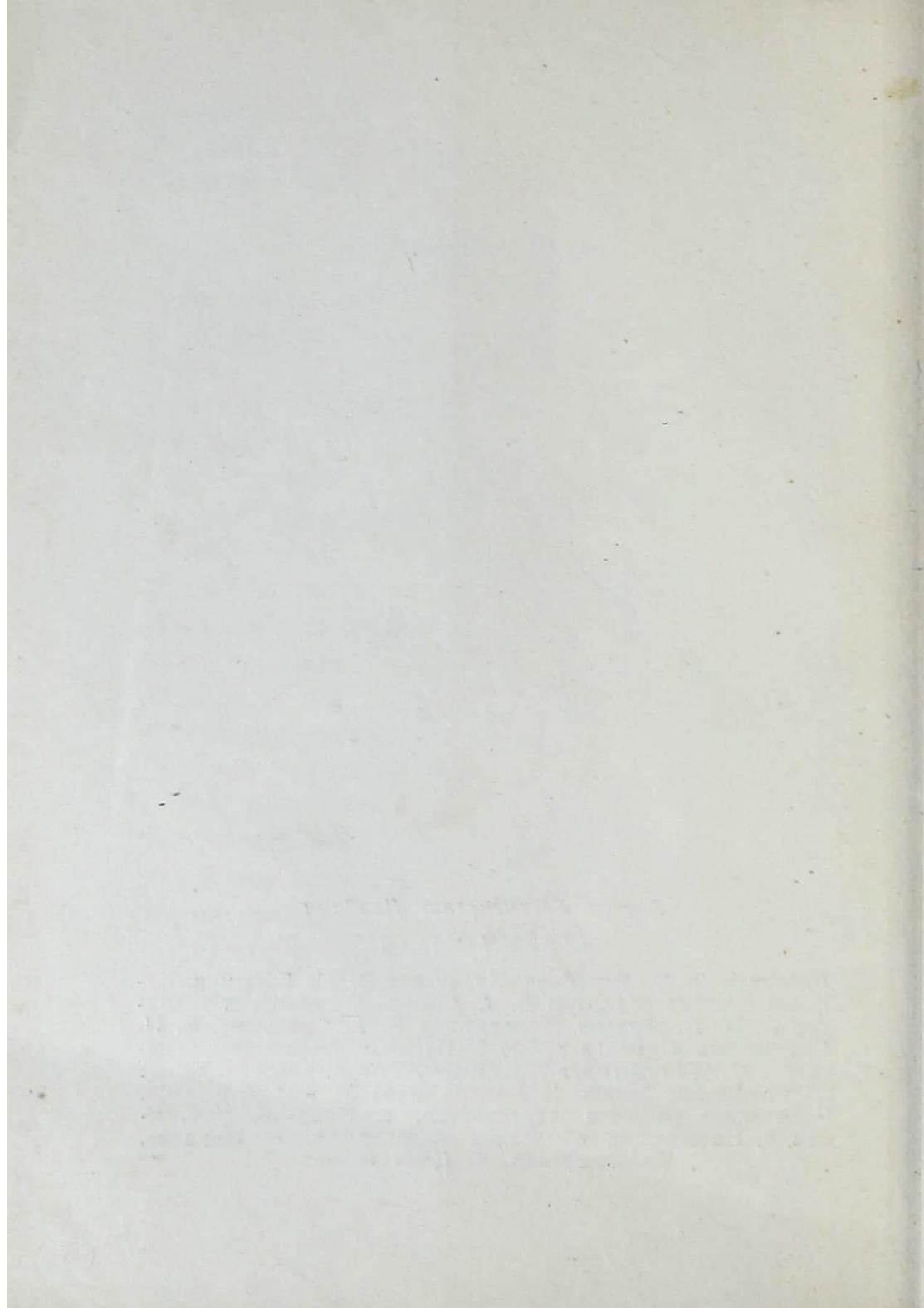
СТАРЫЙ П

Редактор В. П. Воробьев. Художественный редактор В. А. Стор А. И. Панкратов. Корректор Катышкина. Сдано в набор 9/II чати 14/I-1962 г. Бумага 70×108/32 2,7 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Ивановское книжное издательство, 9. Ивановская областная Типографская, 6. А

Авенир Евстигнеевич Ноздрин

СТАРЫЙ ПАРУС

Редактор В. П. Воробьев. Художник В. М. Ефремов. Художественный редактор В. А. Орлов. Технический редактор А. И. Панкратов. Корректоры Н. А. Смирнова, В. П. Катышкина. Сдано в набор 9/III-1962 г. Подписано к печати 14/I-1962 г. Бумага $70 \times 108 \frac{1}{32} - 6 \frac{1}{2}$ п. л., 4,55 усл. п. л., 2,7 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 1084. КЕ—00347. Ивановское книжное издательство, г. Иваново, Крутицкая, 9. Ивановская областная типография, г. Иваново, Типографская, 6. *Цена 14 коп.*

14 коп

